

ЕЛЕНА ПОНОМАРЕВА

Секреты «цветных революций»

Современные технологии смены политических режимов

Двадцать огромных томов никогда не сделают революции; ее сделают маленькие брошюры по двадцать су.

Вольтер

Мирный переворот не терпит импровизаций.

Джин Шарп

У «цветных революций» много секретов. Один из них — феномен «мягкой власти» (*soft power*). В современных условиях фраза Наполеона Бонапарта «одно слово стоит нескольких дивизий» получила красноречивое подтверждение в целой серии «цветных» переворотов. Не претендуя на исчерпывающий анализ роли «мягкой власти» в переформатировании политической карты мира, в борьбе за сферы влияния, остановимся на наиболее значимых моментах этой концепции применительно к «цветным революциям» (ЦР).

Природа «мягкой власти»

Авторство теории «soft power», не совсем верно переведенной на русский язык как «гибкая власть», принадлежит весьма интересному человеку — профессору Публичной административной Школы им. Дж. Кеннеди в Гарвардском университете, члену американской Академии искусств и наук и Дипломатической академии Джозефу Сэмюэлю Наю. Следует почеркнуть тесную связь

этого человека не только с академической средой, но и с миром практической политики и разведсообществ. Уже в начале своего пути в науке этот выпускник Принстонского университета (а затем — докторант и преподаватель Гарварда) был удостоен премии Сесила Родса, известного апологета мирового господства Великобритании, создателя алмазной империи «De Beers» и действующей до сих пор закрытой структуры под названием «Группа» (или «Мы»). Кстати, согласно завещанию Родса, после его смерти в 1902 году около 3 миллионов фунтов (!) было передано на учреждение студенческих стипендий и профессорских грантов. Причем, в завещании было оговорено, что стипендии предназначены для уроженцев европейских стран, США и британских колоний «с лидерскими наклонностями» в рамках программы воспитания президентов, премьер-министров и иных высокопоставленных деятелей, которым «предстоит управлять нациями и миром»¹.

¹ См. www.hrono.ru/biograf/bio_r/rods_s.html

В дальнейшем свою научную деятельность Дж. Най успешно совмещал с работой на высоких правительственных должностях. В 1977—1979 годах он являлся помощником заместителя госсекретаря США по вопросам поддержки безопасности, науки и технологии, председателем группы Национального совета безопасности по вопросам нераспространения ядерного оружия. В администрации Б. Клинтона он работал помощником главы Пентагона по меж-

ный директор CNN и журнала «Time», а в Совет правления входят многие знаковые фигуры. В их числе — принц Саудовской Аравии Бандар бин Султан, бывшие госсекретари США Мадлен Олбрайт и Кондолиза Райс, президент корпорации «Дисней» Майкл Айснер, заместитель Генсека ООН Олара Отуну, бывший глава Совета ЕС и НАТО Хавьер Солана и др.² Иными словами, Аспенская группа — это закрытый политический клуб высокопоставленных политиков, разрабатывающих стратегии мироустройства.

Кроме того, в свое время Най директорствовал в Институте исследований безопасности «Восток—Запад» и в Международном институте стратегических исследований. Наконец, при Б. Обаме его привлекли сразу в два новых исследовательских проекта: в Центр за новую американскую безопасность и в

В теоретических выкладках доктора Ная даже для неискушенного читателя очевидна четкая практическая значимость — разработка механизма закрепления и расширения гегемонии Запада и прежде всего США.

дународной безопасности, возглавлял Национальный совет по разведке США, а также представлял США в Комитете по вопросам разоружения при ООН. В ходе президентской кампании Дж. Керри Дж. С. Най претендовал на место советника по национальной безопасности.

Помимо этого создатель концепции «мягкой силы» являлся старшим членом Института Аспена (США), директором Аспенской стратегической группы и членом Исполнительного комитета Трехсторонней комиссии, участником ряда заседаний Совета по международным отношениям. Из всех этих учреждений наименее известен, пожалуй, Институт Аспена. Он был основан в 1950 году миллиардером Уолтером Папке — одним из инициаторов принятия директивы 68 Совета национальной безопасности, закрепившей доктрину «холодной войны». Сегодня Институт возглавляет Уолтер Исааксон, бывший председатель и главный исполнитель-

Проект реформы национальной безопасности США. Следует отметить, что подобные переходы из науки в политику, из политики в разведку, из разведки в науку и т. п. — широко распространенная на Западе практика, целью которой является максимально широкое продвижение интересов тех или иных элитных групп. Подобные Наяу карьеры в разное время сделали такие разные (но вместе с тем — показательные) персонажи, как Зб. Бжезинский, Г. Киссенджер, М. Макфол.

Что же касается концепции «soft power», то в теоретических выкладках доктора Ная даже для неискушенного читателя очевидна четкая практическая значимость, а именно — разработка механизма закрепления и расширения гегемонии Запада и прежде всего — США: не случайно презентация перевода на русский язык его книги «Soft

² См. www.aspeninstitute.org/about/history

power» («Гибкая власть. Как добиться успеха в мировой политике») проводилась в 2006 году под эгидой посольства США в Московском центре Карнеги.

Что же касается самой теории, то следует заметить, что Най не сформулировал чего-либо принципиально нового. Различные способы воздействия на сознание, методы ненасильственной обработки властных и иных групп известны давно: о них в разное время писали Н. Макиавелли и французские энциклопедисты, Г. Торо и М. Ганди, Т. Лири и Р. Уилсон и др. Достижение Ная состоит в том, что он сумел не только концентрированно и емко описать природу, роль и значение «мягкой власти», которая сыграла определенную роль в «холодной войне», но и определить ее поистине неограниченные возможности в XXI веке. И эта работа продолжается: как известно, в настоящее время Най формирует повестку «умной власти»³ для нынешней администрации Белого дома, понимая ее как «способность объединять в различных контекстах жесткие и мягкие ресурсы власти в успешные стратегии»⁴.

Главный смысл «soft power» заключается в формировании *привлекательной* власти, то есть в способности *влиять на поведение людей, опосредованно заставляя их делать то, что в ином случае они никогда бы не сделали*. Такой властью становится, основываясь не только на убеждении, уговаривании или способности подвигнуть людей сделать что-либо при помощи аргументов, но и на «активах», которые продуцируют ее привлекательность. Достичь этого, по мнению Ная, возможно, используя «власть информации и образов», власть смыслов. Иными словами, ядро «soft power» — нематериальность, информативность и подвижность⁵.

³ См. **Дж. Н. Нье**. Smart power. — «New Perspectives Quarterly». 2009. Vol. 26. Issue 2. P. 7—9.

⁴ **Дж. С. Най**. «Умная сила» Барака Обамы. — www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Umnaaya-sila-Baraka-Obamy

⁵ См. **Дж. С. Най**. Гибкая власть. Как добиться успеха в мировой политике. М., 2006.

В свою очередь создание «привлекательности» невозможно без лингвистического конструирования, без интерпретации реальности, без акцентирования внимания на взаимно противоположных оценочных суждениях (типа: Бог—Дьявол, добро—зло, свобода—рабство, демократия—диктатура и т. д.). Причем именно проводники «мягкой власти» определяют, что есть «хорошо» или «справедливо», какая страна становится изгоем или образцом демократической трансформации, подвигая тем самым остальных участников политического процесса соглашаться с этой интерпретацией в обмен на поддержку со стороны субъекта «soft power».

«Оседлать историю» (Ф. И. Раззаков), как убедительно доказала практика, невозможно лишь силовыми методами. Поэтому в современных условиях столь важной оказывается сила «мягкой власти», проявляющаяся как особый тип влияния, особый вид власти, непосредственно связанный с информационной революцией самим объемом информации и его ростом по экспоненте, а также со скоростью и широтой распространения этой информации, благодаря новейшим коммуникативным технологиям. Информационная революция позволяет «перекодировать» сознание, начиная с изменения исторической памяти и заканчивая миром символов-смыслов. При этом именно смылосимволический мир оказывается наиболее значимым: в значительной степени именно на него и ориентируется социальная память общества, позволяющая ему противостоять как разрушению извне, так и самоуничтожению.

В историческом плане человек всегда существовал в трех измерениях: в мире реальном, мире информационном и мире символическом. Однако в настоящее время новые технологии и «коммуникации оказывают столь мощное воздействие на сознание, что реальные действия и события как будто становятся значимыми лишь тогда, ко-

гда они представлены в средствах массовой информации»⁶. Реальностью стало активное участие СМИ в изменении, переформатировании символического мира. Необходимо помнить, что в любом обществе «одновременно с реформами, переворотами и революциями, происходят и так называемые *символические революции* (курсив мой. — Е. П.), которые призваны резко изменить картину мира. При этом осуществляется радикальный пересмотр “символического капитала”, который накапливался в рамках предыдущего этапа истории».

Изменение символических иерархий, свойственное символическим революциям, протекает примерно по следующей схеме:

— происходит смена сакральной зоны: общество снимает защиту от своих *прошлых* «богов» — разворачивается критика, которая расчищает место для «богов» *новых*;

— новая сакральность воплощается в точном отборе символов — происходит смена названий городов, улиц, замена памятников и т. п.;

— как результат предыдущих этапов осуществляется смена зоны агрессии: общество меняет иерархию в системе «друг—враг»;

— *старые* тексты теряют свою актуальность; производится большое количество *новых* идеологических текстов, призванных обосновать смену политических декораций;

— на политическую сцену выходят специалисты по вербализации реальности — журналисты, писатели, ученые;

— символические процессы, кажущиеся неуправляемыми, на самом деле четко направлены к определенной цели⁷.

Кроме того, «природа манипулирования сознанием состоит в наличии

двойного воздействия: наряду с открытым сообщением манипулятор посылает адресату закодированный сигнал, надеясь на то, что он разбудит в сознании адресата те образы, которые нужны манипулятору. Это скрытое воздействие опирается на “неявное знание”, которым обладает адресат, на его способность создавать в своем сознании образы, влияющие на его чувства, мнение и поведение. Искусство манипуляции состоит в том, чтобы пустить процесс воображения по нужному руслу, но так, чтобы человек не заметил скрытого воздействия»⁸.

«Мягкая сила» как раз и предполагает работу с сознанием посредством информации, знаний и культуры, используя как краткосрочные, так и долгосрочные стратегии. «В краткосрочном периоде, который, как правило, не превышает нескольких месяцев, наиболее эффективными инструментами являются СМИ, традиционные и новые социальные медиа, с присущими им возможностями и ограничениями. В долгосрочной перспективе “мягкая власть” в меньшей степени зависит от риторики, но больше связана с практикой: государства, имеющие более привлекательные для остальных модели развития, подтвержденные уровнем жизни, экономическими и социальными достижениями, с большей вероятностью будут пользоваться авторитетом и одобрением. В длительной перспективе эффективными инструментами “мягкой власти” для государства являются, во-первых, предоставление услуг высшего образования. Во-вторых — развитие наук, в том числе общественных, основная задача которых заключается в производстве смыслов — теорий и концепций, легитимизирующих позицию и взгляды этого государства».

⁶ М. И. Князева, Н. И. Фадеева, И. Н. Холкин. Информационное пространство социокультурной идентичности. — www.isiksp.ru/library/knyazeva_mm/knyazeva-000004.html

⁷ См. там же.

⁸ Цит. по: Ф. И. Раззаков. Другой Владимир Высоцкий. Темная сторона биографии знаменитого артиста. М., 2011. С. 20, 57.

Совокупность этих стратегий формирует способность «мягкой власти» «воздействовать на систему социокультурных фильтров или “матрицу убеждений”, составляющих целостность субъективного восприятия объекта, по отношению к которому применяется данный тип воздействия. Таким образом, “мягкая власть” тесно связана с дискурсом, с трансляцией информационного сообщения с целью подтолкнуть реципиента к его прочтению в определенном ключе и, в конечном итоге, заставить его изменить свое поведение»⁹.

Конкретные последствия подобных умозаключений не заставляют себя ждать. По словам Дж. Най, «идеалы и ценности, которые Америка “экспортирует” в умы более полумиллиона иностранных студентов, которые каждый год обучаются в американских университетах, а затем возвращаются в свои родные страны, или в сознание азиатских предпринимателей, которые возвращаются домой после стажировки или работы в Силиконовой долине, направлены на то, чтобы “добраться” до властных элит». В долгосрочной стратегии «мягкая власть» посредством одного только образования «позволяет сформировать определенное мировоззрение у иностранных гостей, *отражающее ценностные ориентации самого принимающего государства* (курсив мой. — Е. П.) и позволяющее рассчитывать на благоприятное отношение к стране пребывания с их стороны в будущем».

Далее Най прописывает обязательные этапы долгосрочной стратегии. Формирование «мягкой власти» происходит следующим образом: «1) пребывание участников образовательных программ в стране подразумевает ознакомление с политической и экономической моделью ее общества,

приобщением к культуре страны пребывания и ее ценностям; по возвращении домой они используют этот опыт, в том числе и при принятии решений опираются в большей или меньшей степени и на полученные ценностные ориентиры. 2) конкурсным отбором получателей грантов и стипендий, который подразумевает выделение наиболее перспективных представителей в тех или иных областях деятельности или научного знания; после прохождения обучения с выпускниками сохраняются тесные связи в рамках сетевых сообществ, различных исследовательских центров, что сохраняет за государством-спонсором возможности по влиянию на зарубежные элиты или использованию их интеллектуального ресурса в собственных интересах (такой подход широко используется США)»¹⁰.

Например, по данным за 2011 год, в США учится свыше 700 тысяч иностранных студентов, в Великобритании — свыше 300 тысяч, в Австралии — около 150 тысяч. К 2020 году, согласно прогнозу Британского совета, Ассоциации университетов Великобритании и компании IDP (Австралия), обучаться в высших учебных заведениях не в своих родных странах будут около 6 миллионов человек (!)¹¹. И это только студенты, не говоря уже об участниках более специфических программ, ориентированных на подготовку гражданских активистов, блогеров и т. п.

Ресурсная база «мягкой силы», конечно же, не ограничивается обучающими программами. «Soft power» использует весь спектр культурных, информационных, разведывательных, сетевых, психологических и иных технологий. Все это в комплексе позволяет согласиться с мнением немецкого издателя Й. Йоффе, приводимым в книге Дж. Най: «...гиб-

⁹ Е. П. Панова. «Мягкая власть» как способ воздействия в мировой политике. Автореф. дисс. канд. полит. наук. М., МГИМО, 2012. С. 11.

¹⁰ Дж.С. Най. Гибкая власть. Как добиться успеха в мировой политике. С. 176–177.

¹¹ См. «International Student Exchange & Study Aboard Resource Center». — www.internationalstudent.com/

кая власть Америки даже более значима, чем ее экономическая или военная мощь. Американская культура, будь она низкого или высокого уровня, проникает повсюду с интенсивностью, которая наблюдалась только во времена Римской империи, но с новой характерной особенностью. Воздействие Рима или Советского Союза в области культуры как бы останавливалось на уровне их военных границ, американская же гибкая власть правит империей, где никогда не заходит солнце»¹².

С этим не поспоришь, но все же главным инструментом «soft power», используемым при манипуляциях с исторической памятью, причем не требующим непосредственного присутствия в стране—инициаторе давления, являются как традиционные, так и новые, сетевые, средства массовой

СМИ являются трансляторами нового видения мира не только в публицистической или научно-популярной форме, но и через метафорику художественных произведений, трактующих определенные исторические факты.

информации. Именно СМИ являются трансляторами нового видения мира не только в публицистической или научно-популярной форме, но и через метафорику художественных произведений, соответствующим образом трактующих определенные исторические факты. Присутствуя ежедневно, а порой и ежечасно, в жизни каждого человека, СМИ фактически управляют мнениями и оценками, интегрируют индивидуальные человеческие умы в

массовый разум. В результате у людей продуцируются одни и те же мысли, порождаются одни и те же образы, отвечающие целям и задачам персон, контролирующих средства коммуникации. «Когда это на самом деле происходит, то можно наблюдать волнующее незабываемое зрелище, как множество анонимных индивидов, никогда друга не видевших, не соприкасавшихся между собой, охватываются одной и той же эмоцией, реагируют как один на музыку или лозунг, стихийно слитые в единое коллективное существо»¹³.

Без преувеличения, в XXI веке важнейшим инструментом «мягкой власти», придавшим ей динамизм и мобильность, стали современные средства массовых коммуникаций, сокращающие некогда непреодолимые расстояния между материками. Теперь не только упрощается формирование мировоззрения социума конкретной страны, но сама организация и проведение государственного переворота не требует непосредственного присутствия интересантов в какой-либо стране: свержение режима возможно дистанционно, посредством передачи информации через различные сети.

Нельзя не согласиться с мнением отечественных исследователей Г. Ю. Филимонова и С. А. Цатуряна, согласно которому современный мир, «соединенный интернетом, телевидением, радио и газетами, все более напоминает паутину, объединяющую человечество в единое информационное пространство, предоставляя тем самым любому государству статус стороннего наблюдателя, способного

¹² Дж. С. Най. Гибкая власть. Как добиться успеха в мировой политике. С. 180.

¹³ А. В. Брушлинский. Социальная психология в России и теория Сержа Московичи. — С. Московичи. Век толп. Исторический трактат по психологии масс. М., 1996. С. 53.

восстановить статус-кво только путем насилия. Формируя посредством этих каналов либерально-демократическую культурную среду, социальные сети и СМИ (прежде всего американские) открывают путь к смене неугодных режимов в невиданных ранее масштабах. По сути, изменяется не только методика государственного переворота, но и модель глобального управления, приобретающая косвенный, более гибкий и согласованный с другими участниками международного общения характер. Возросшая роль информации в жизни современного человека, разгоняющей маховик исторического процесса, форсирует создание глобального сетевого общества, оторванного от традиций и национальных культур»¹⁴.

Иными словами, «мягкая власть» в XXI веке становится одним из главных способов борьбы за влияние, за территории и ресурсы.

Сетевые технологии как ресурс «мягкой власти» и инструмент «цветных революций»

Сетевые технологии, будучи одним из важнейших ресурсов «мягкой власти», стали самым значимым инструментом «цветных революций». Несмотря на то, что в современном политологическом дискурсе понятие «сеть» является одним из самых востребованных, и существует уже довольно большой массив литературы, изучающей этот технологический продукт с точки зрения его влияния на массовое сознание и поведение, довольно незначительное количество исследователей указывает на самые главные характеристики этого явления. В то время как необходимо знать и помнить, что со-

циальные сети — это, во-первых, организационное оружие, а во-вторых — бизнес-продукт. Например, по оценкам инсайдеров, рыночная капитализация «Facebook» при выходе на IPO, которое, вероятно, состоится весной 2012 года, может составить 80—100 миллиардов долларов¹⁵, а чистая прибыль за 2011 год составила 1 миллиард долларов¹⁶. В сравнении с этим гигантом капитализация «Twitter» составляет всего 7 миллиардов, а полученная прибыль от рекламы к концу 2012 году планируется около 259 миллионов долларов (у «Facebook» — 4 миллиарда)¹⁷. Колоссальные средства вращаются вокруг «YouTube», «MySpace», «ВКонтакте» и других сетевых аккаунтов. Так что создавались эти «игрушки» далеко не из альтруистических соображений.

Старт первой в истории социальной сети — «ClassMates» — состоялся в США (1995 год). Проект оказался настолько успешным, что в последующие годы начал работу ряд аналогичных сервисов. Прямой аналог проекта — «Одноклассники.ру», разработанный российским веб-разработчиком Альбертом Попковым (проживает в Лондоне), — появился в России 4 марта 2006 года и насчитывает сегодня более 67 миллионов пользователей. Начало бума социальных сетей пришлось на 2003—2004 годы и связано с созданием «LinkedIn», «MySpace» и «Facebook». Для сравнения: если «LinkedIn» создавалась с целью установления и поддержания деловых контактов, то владельцы «MySpace» и «Facebook» сделали ставку на удовлетворение человеческой потребности в самовыражении. С этого периода социальные сети становятся своего рода интернет-пристанищем, где каждый может найти техническую и социальную базу для собственного виртуального «я».

¹⁴ Г. Ю. Филимонов, С. А. Цатурян. Социальные сети как инновационный механизм «мягкого» воздействия и управления массовым сознанием. — «Политика и общество». 2012. № 1. С. 65.

¹⁵ См. www.top.rbc.ru/society/01/01/2012/632486.shtml

¹⁶ См. www.ria.ru/technology/20120202/554378898.html

¹⁷ См. www.tinaev.com/index.php/-seo/153-pribyl-twitter-v-2012-godu-sostavit-259-mln.html

На первый взгляд значение соцсетей имеет положительную коннотацию — теперь любой человек может легко и быстро найти себе друзей, обмениваться мнениями, дискутировать по любому поводу, начиная с причин изменения климата и заканчивая персональным составом правительства. Позитивно можно оценить и экономическую составляющую проектов, а вот характеристика сетей как оргоружия вряд ли вызовет положительные эмоции. Давайте разберемся.

Возьмусь утверждать, что социальные сети представляют собой разновидность когнитивных технологий по реформативному миру. Под *когнитивными* (или познавательными) принято понимать информационные технологии, описывающие основные мыслительные процессы человека. Они являются одним из наиболее «интеллектуальных» разделов теории искусственного интеллекта. В отличие от фундаментального принципа западного рационализма, сформулированного Декартом в «Рассуждении о методе» (1637), — «мыслю, следовательно, существую» (*cogito ergo sum*), сегодня к понятию когнитивного относятся не только процессы мышления, но и любые формы взаимодействия человека и среды, основанные на *построении образа* ситуации. Хорошо это или плохо, но время меняет принципы и законы, ранее казавшиеся незыблемыми. Так, известное утверждение «кто владеет информацией — тот правит миром» уступило место принципу когнитологии «кто умеет систематизировать информацию и из нее получать знания — тот правит миром!»¹⁸.

Истоки когнитивных знаний, согласно которым мозг рассматривается как устройство обработки информации, были заложены еще во второй половине XIX века в работах У. Джеймса и

Г. Л. Ф. фон Гельмгольца. Однако лишь в 1960-е годы на факультете прикладной психологии Кембриджского университета, возглавляемом Ф. Бартлеттом, удалось организовать проведение широкого спектра работ в области когнитивного моделирования. Хотя еще в 1943 году ученик и последователь Бартлетта К. Крэг в своей книге «The Nature of Explanation» («Природа объяснения») привел весомые доводы в пользу научного изучения таких «мыслительных» процессов, как убеждение и постановка цели. Уже тогда Крэг обозначил следующие три этапа деятельности агента, основанной на знаниях: во-первых, действующий стимул должен быть преобразован во внутреннее представление; во-вторых, с этим представлением должны быть выполнены манипуляции с помощью познавательных процессов для выработки новых внутренних представлений, и в-третьих, они должны быть в свою очередь снова преобразованы в действия¹⁹.

Современные когнитивные технологии, усовершенствованные крэгговские установки, — это *способы трансформации человеческих свойств и качеств, его поведения* за счет либо модификации психофизиологических параметров организма, либо включения человека в гибридные (человекомашинные) системы. Отдельное направление представляют когнитивные технологии, меняющие социальное поведение человека и человеческих сообществ. Надо сказать, что информационные и когнитивные технологии изначально развивались, взаимно дополняя друг друга, создавая задел для нового технологического уклада, в котором объектом и субъектом преобразования становится человек. Бурное развитие биотехнологий в конце XX века, появление нанотехнологий привели к рождению NBIC-конвергенции (по первым

¹⁸ См. «Cognitive Technologies». — www.cognitive.ru/innovation/cognitive/

¹⁹ См. **К. Крайк**. The Nature of Explanation. Cambridge, 1967.

буквам областей, где: N — нано; В — био; I — инфо; С — когно).

Как отмечает И. Ю. Сундиев, к настоящему моменту NBIC-конвергенция уже затронула все области человеческой жизнедеятельности, прямо или косвенно определяя характер, способы и динамику социальных взаимодействий. Благодаря облачным вычислениям, робототехнике, беспроводной связи 3G и 4G, «Skype», «Facebook», «Google», «LinkedIn», «Twitter», iPad и дешевым смартфонам с поддержкой выхода в Интернет социум стал не просто связанным, а гиперсвязанным и взаимозависимым, «прозрачным» в полном смысле этого слова. Особую роль NBIC-конвергенция сыграла в появлении новых форм и методов совершения преступлений, а также изменила взгляды на военную стратегию. Доминирующими стали «стратегия непрямых действий» и «стратегия безлидерного сопротивления», опирающиеся на сетевые структуры, создаваемые среди населения потенциального противника²⁰. Именно на этом были основаны все политические перевороты, начиная с белградской «революции» 2000 года.

Существенным «достижением» когнитивных технологий является разработка *смарт-форм пресоциализации* — добровольно-игрового неосознаваемого самим субъектом способа быстрой смены социальных ролей, статусов и позиций. Смарт-формы «упакованы», «завернуты» в контркультурную оболочку безобидной игры-прикола и выступают как способы новой консолидации людей. Среди смарт-форм наиболее известны флешмобы. Дословный перевод «flash mob» на русский язык означает «мгновенная толпа», хотя правильнее это понимать как «умная толпа», то есть толпа, имеющая цель и четко следующая заранее подготовленному сценарию. Собственно, это уже и не толпа.

²⁰ См. И. Ю. Сундиев. Когнитивные технологии: темная сторона прогресса. — www.crimpravo.ru/blog/deviantnoe_povedenie/1458.html

В 2002 году в книге «Умная толпа» специалист по культурным, социальным и политическим импликациям в медиа-сферу современности Г. Рейнгольд не только подробно описал явление флэшмоба, придавая особое значение новому способу организации социальных связей, структур, но, фактически, предвосхитил и описал волну новых социальных революций²¹. Он полагал, что флеш-акции (смартмобы) столь мобильны, благодаря тому, что ее участники используют современные средства коммуникации для самоорганизации²². Считается, что идея организовать флэшмоб с использованием Интернета как важнейшего ресурса пришла в голову создателю первого сайта для организации подобных акций FlockSmart.com Робу Зазуэту после знакомства с текстами Рейнгольда. Сегодня флэшмобы используются довольно широко и, как показывают исследования, формируют совершенно особую реальность.

Дело в том, что флэшмобы являются механизмом формирования конкретного поведения в данный момент в данном пространстве. Управляемость «умной толпы» достигается за счет целого ряда организационных принципов. *Во-первых*, акция заранее готовится через официальные интернет-сайты, где мобберы разрабатывают, предлагают и обсуждают сценарии для акций. Сценарий, место и время акции назначается либо администрацией сайта, либо путем голосования.

Во-вторых, чтобы не вызывать отрицательной реакции у случайных зрителей, такие акции проходят тихо и без шума, спокойно и вообще еле заметно. Чтобы не вызвать смех у случайных зрителей, участниками акции все делается с серьезным видом. Флешмоб должен вызывать недоумение, но не смех.

²¹ См. Г. Рейнгольд. Умная толпа: Новая социальная революция. М., 2006.

²² См. Н. Rheingold. Smart Mobs. Book Summary. — www.smartmobs.com/book/book_summ.html

На акциях участниками делается вид, что все спонтанно, поэтому движения и внешний вид должны быть самыми простыми, обыденными.

В-третьих, акция начинается одновременно всеми участниками, но должна выглядеть как спонтанная. Для этого согласовывается время или назначается специальный человек (маяк), который должен подать всем сигнал для начала акции. *В-четвертых*, акция не должна длиться долго — обычно до пяти минут, иначе случайные зрители начинают проявлять активность: приставать с вопросами, вызывать работников охраны и правопорядка, игнорировать и дальше заниматься своим делом. *В-пятых*, участники должны делать вид, что не знают друг друга. *В-шестых*, на вопросы зрителей участники акций пытаются не отвечать или ответами не раскрывают истинный смысл происходящего. *И наконец*, акции должны быть регулярными и иметь абсурдный характер (действия мобберов не должны поддаваться логическому объяснению).

При этом флешмоб — занятие совершенно добровольное. Участники одного и того же мероприятия могут преследовать различные цели. Например, одни ищут развлечение, другие хотят почувствовать себя свободным от общественных стереотипов поведения, третьи стремятся к острым ощущениям, к эффекту групповой психотерапии²³. Но самое главное — все участники флэшмоба не знают истинной причины организации той или иной акции. Тогда в чем же состоит истинный смысл такого рода действий? Почему смартмоб понимается как «новая социальная революция»? Самое главное следствие подобных акций — формирование модели необдуманного, навязанного «маяком» поведения больших масс людей. В момент флэшмобов происходит спектаклизация

реальности, индивид утрачивает собственно индивидуальность, превращаясь в винтик социальной машины.

Как уже отмечалось выше, организация смарт-толпы осуществляется посредством социальных сетей и интернет-ресурсов. Роль этих технологий в организации любых действий переоценить невозможно. Так, везде, где происходили события «арабской весны», для привлечения союзников протестующие использовали новые интернет-приложения и мобильные телефоны, перебрасывая ресурсы из киберпространства в городское пространство и обратно. Для посетителей социальных сетей создавалось впечатление, что в протестные действия включились миллионы людей. Однако в действительности число *реально протестующих* и *протестующих в сети* различается многократно. Достигается это с помощью специальных программ.

Отечественные аналитики обращают внимание, что буквально за год до арабской версии ЦР, в 2010 году, правительство США заключило договор с компанией «HBGary Federal» на разработку компьютерной программы, которая может создавать многочисленные фиктивные аккаунты в соцсетях для манипулирования и влияния на общественное мнение по спорным вопросам, продвигая нужную точку зрения. Она также может быть использована для наблюдения за общественным мнением, чтобы находить опасные точки зрения²⁴. Еще раньше ВВС США заказала разработку Persona Management Software, которую можно использовать для создания и управления фиктивными аккаунтами на сайтах социальных сетей, чтобы исказить правду и создавать впечатление, будто существует общепринятое мнение по спорным вопросам. «Персонажи» соцсетей должны производить впечатление, что

²³ См. www.smartmobs.com/book/book_toc.html

²⁴ См. **И. Ю. Сундиев**. Когнитивные технологии: темная сторона прогресса.

они происходят почти из любого места в мире и могут взаимодействовать посредством обычных онлайн-сервисов и сетевых платформ. В июне 2010 года эта программа была запущена²⁵.

В глобальном плане, если учитывать создание целого ряда сетевых структур, начиная с НПО и заканчивая интернет-сетями, речь идет о новых технологиях социальной инженерии, создающих неведомые ранее модели принятия решений, изменяя когнитивный базис современного человека. А Интернет, будучи планетарной информационной магистралью, превращает такие проекты, как «WikiLeaks», «Facebook» и «Twitter», в трансляторы американской «мягкой силы», инструмент борьбы за влияние и, конкретно, государственных переворотов — «цветных революций» — в странах-мишенях. При помощи интернет-технологий происходит, говоря словами А. Грамши, «молекулярная агрессия в культурное ядро»²⁶ конкретного режима, разрушается основа национального согласия, накаляется до предела ситуация внутри страны и в ее окружении.

Конечно, социальные сети сами по себе не продуцируют «вирус революции»²⁷, но являются прекрасным каналом его распространения. Например, «Twitter». Это, собственно, не социальная сеть, но социальным медиа этот сервис безусловно является. Как верно заметил И. И. Засурский, причина, по которой «Twitter» можно рассматривать как инструмент «разогрева» общественного мнения, сокрыта в его интерфейсе. Благодаря конструкции этого коммуникативно-

го канала пользователь оказывается в потоке однотипных сообщений, в том числе «закольцованных», повторяющихся при помощи так называемых ретвиттов²⁸. Как уже отмечалось в первой части настоящей статьи, «Twitter» формирует деградантный язык «словесных жестов», то есть он не способен инициировать сложную деятельность объекта, который оказывается погруженным в систему актуального информирования в режиме нон-стоп.

На иных принципах работает «Facebook». В декабре 2011 года, по собственным данным, «Facebook» насчитывал более 800 миллионов активных пользователей. Эта сеть стала самым значимым сетевым инструментом «мягкой власти» — благодаря «весу» в сети, зависящему от количества «друзей», и отбору сообщений по их популярности. В результате наложения этих факторов у пользователей возникает ощущение значимости происходящих событий и мгновенной включенности в этот процесс. Более того, создается впечатление, что от позиции, реакции конкретного субъекта зависит развитие ситуации. Условно, если я выйду на площадь, то ненавистный диктатор будет повержен.

Однако в России «Facebook», достигший в январе 2012 года 5-миллионной планки участников²⁹, — не самая популярная сетевая площадка. Для сравнения: на конец 2011 года сеть «Одноклассники.ру» насчитывает 67 миллионов активированных аккаунтов³⁰, а «ВКонтакте» — 120 миллионов (!). Если же судить по счетчику на сайте, то активных пользователей (тех, кто ежедневно заходит в сеть) сервиса «ВКонтакте» насчитывается свыше 36 миллионов³¹. Такой успех именно этой сети объясняется наличием, с одной стороны,

²⁵ См. «U.S. Air Force. Persona. Management. Software». — www.seankerrigan.com/docs/PersonaManagementSoftware.pdf

²⁶ См. **А. Грамши**. Тюремные тетради. Избранное. — www.modernlib.ru/books/gramshi_antonio/tyuremnie_tetradi_izbrannoe/read_3/

²⁷ Подробнее об этом см. **Е. Г. Пономарева**. Вирус революции и законы Токвиля. — www.fondsk.ru/news/2011/02/28/virus-revoljucii-i-zakony-tokvilja.html

²⁸ См. **И. Преображенский**. Интерфейс революции. — www.rosbalt.ru/main/2012/02/29/951775.html

²⁹ См. www.cnews.ru/news/line/index.shtml?2011/04/27/438261

³⁰ См. www.vesti.ru/doc.html?id=451774&cid=780

³¹ См. www.vk.com/help.php?page=about

«сильных групп — коммуникационных платформ, которые отчасти заменяют пользователям этой сети автоматические алгоритмы EdgeRank от Facebook с точки зрения фильтрации интересующего их контента»³². С другой — простотой в использовании и огромным сопроводительным багажом: распространяемая в группах информация обычно состоит из фотографий, демо-типов и коллажей, которые доходчивы и не требуют специальных знаний для интерпретации.

Анализ работы социальных сетей позволяет выстроить их своеобразную иерархию как по степени воздействия, так и по технологической применимости. На вершине сетевой пирамиды может быть размещен интеллектуальный портал для самых продвинутых и креативных пользователей — можно сказать, инициаторов социальных изменений — «LiveJournal» («Живой Журнал» — ЖЖ). Это место «высокого» общения, самоутверждения либо же так называемого троллинга — размещения материалов с целью провоцирования конфликта. По воздействию на общественное мнение ЖЖ технологически применим в роли классических СМИ, что в революционной ситуации явно недостаточно. Другое дело «Facebook», который занимает срединное или центральное место в сетевой иерархии, охватывая многомиллионные аудитории. В России эту планку покорил «ВКонтакте». Далее следует «Twitter».

Социальные сети выполняют сегодня роль не столько площадки для общения, сколько детонатора информационного взрыва: они способны распространять информацию по всему миру за считанные секунды, ускоряя тем самым ход той или иной операции. Это вовсе не обозначает, что телевидение и радио утратили свою популярность. В современных условиях происходит симбиоз крупней-

ших телевизионных гигантов с такими сетями, как «WikiLeaks», «Facebook», «Twitter», «YouTube», усиливающий в конечном итоге эффект информационных операций, выводя на улицы сотни тысяч манифестантов. Примером такого взаимодействия служит деятельность международной телекомпании «Аль-Джазира», размещающей видеоматериалы на собственном портале в «YouTube». Подобная практика наблюдается также среди российских вещательных организаций³³.

Итак, сетевые структуры — продукт, созданный для решения как минимум трех глобальных задач. *Первая* — изменение исторической памяти и формирование новых смыслов. Если эту задачу удастся решить, то индивид, социальная группа будут делать то, что нужно заказчику операции. В таком случае никакая военная концепция не нужна. *Вторая* задача заключается в организации оперативного контроля над деятельностью групп и отдельных лиц. Фактически, в сети происходит модерация поведения. Далее достигнутое может быть закреплено во флэшмобах, разного рода акциях, ну и, конечно, в решающий момент госпереворота все эти навыки должны проявиться в полной мере. Однако это уже *третья* задача — создание механизма формирования и манипуляции поведением в конкретных ситуациях, а также привлечение к решению задач людей, которые этих задач не понимают и не должны этого понимать.

Разбираться надо не в том, что происходило, а в том, как это произошло?

Строго согласно концепции «мягкой власти», аккумулирующей структу-

³² И. Преображенский. Интерфейс революции.

³³ См. С. А. Цатурян. Ненасильственное сопротивление как стратегия смены режимов на Ближнем Востоке и в Северной Африке: роль США. — www.csef.ru/studies/politics/projects/arab_revolution/articles/2605/

ры, задействованные как в краткосрочной, так и в долгосрочной стратегии, готовились протестные силы всех «цветных революций». Финансировались и поддерживались эти программы через различные фонды и иные неправительственные структуры, как правило, американского происхождения.

Например, *Национальный фонд поддержки демократии* (NED), основанный в 1993 году, позиционирует себя как частная некоммерческая организация, деятельность которой направлена на развитие и укрепление демократических институтов по всему миру. При этом фонд был создан совместно Республиканской и Демократической партиями, а руководство его деятельностью осуществляется советом, в состав которого входит пропорциональное количество представителей обеих партий, и организация получает поддержку конгресса по всему политическому спектру. Более того, на официальном сайте зафиксировано, что деятельность фонда «контролируется на разных уровнях со стороны конгресса США, Государственного департамента и независимого финансового аудита». Ежегодно NED выплачивает более 1 тысячи грантов на поддержку проектов НПО в более чем 90 странах³⁴. Кстати, Левада-Центр финансируется именно NED.

Еще одной структурой, реализующей концепцию «мягкой власти», является *Национальный институт демократии* (NDI), созданный в 1993 году под патронажем Демократической партии США. Финансирование института, председателем которого в данный момент является экс-госсекретарь М. Олбрайт, также осуществляется федеральным правительством, различными международными агентствами развития и частными фондами. В рамках своей миссии «NDI оказывает

практическую помощь общественным и политическим деятелям, продвигающим демократические ценности, практики и институты. NDI работает с демократами в каждом регионе мира и помогает в создании политических и общественных организаций, в обеспечении честных выборов и в продвижении гражданского участия, открытости и ответственности в правительствах». В настоящий момент эта «помощь» осуществляется в 125 странах³⁵.

Агентство США по международному развитию (USAID) — старейшая из структур влияния — было создано по распоряжению Дж. Кеннеди в 1961 году и позиционирует себя как «независимое (sic) агентство федерального правительства США. Отвечает за невоенную помощь США другим странам. *Администратор Агентства и его заместитель назначаются президентом США с согласия Сената и действуют в координации с Государственным секретарем США.* Агентство работает в более чем 100 странах мира. На финансирование программ этой организации ежегодно выделяется около 1 процента федерального бюджета США. USAID осуществляет свою работу в РФ с 1992 года. На май 2009 года общая сумма российских проектов Агентства составила 2,6 миллиарда долларов»³⁶. Партнерами USAID в России являются, в частности, Московская Хельсинкская группа, Институт экономической политики, «Голос», «Мемориал» и др.

Среди иных структур «soft power», так или иначе занимающихся «продвижением демократии», формированием «привлекательной» власти США, следует назвать «RAND Corporation», Институт Санга-Фе, «Дом Свободы», фонды Форда, Макартуров, Карнеги и др., Центр СМИ и публичной политики Школы государственного управления им. Кеннеди при Гарвардском университете, Беркмановский центр «Интернет и общество» при

³⁴ См. «National Endowment for Democracy». — www.ned.org

³⁵ См. «The National Democratic Institute». — www.ndi.org
³⁶ См. «United States Agency for International Development». — www.russia.usaid.gov/ru/

Гарвардской Школе права, Оксфордский институт Интернета, Альянс молодежных движений, школы права Колумбийского и Йельского университетов, Институт Альберта Эйнштейна, созданный, пожалуй, самым известным идеологом ЦР Джином Шарпом в 1983 году³⁷.

Кстати, сам Шарп — автор той самой «маленькой брошюры» за 20 условных су, которая, согласно Вольтеру, «делает революцию» (речь идет о 80 страницной книге «От диктатуры к демократии. Стратегия и тактика освобождения», написанной в 1993 году и растражированной за последний год всеми сколь-нибудь значимыми социальными сетями) — называет себя «инструментом американского правительства» и подчеркивает, что «было бы слишком широким допущением заявить, что у нас нет ничего общего с правительством»³⁸.

Что же касается, событий «арабской весны», то, например, деятельность оппозиционного «Движения 6 апреля» в Египте поддерживалась такими международными организационно-информационными ресурсами, как сеть «Global Voices», финансируемая фондами Форда и Макартуров, «Открытым обществом», а также производителями и дистрибьюторами IT. Именно через «Global Voices», регулярно проводивший международные конференции и рабочие встречи, распределялись средства на профильные общественные структуры — «Врачи за перемены», «Журналисты за перемены», «Рабочие за перемены» и др. По отдельным каналам поддерживались объединения юристов, женские организации, а также структуры национальных меньшинств. Целевую поддержку получали также редакции изданий, прежде всего поли-

тических сайтов — таких, как «Аль-Масри аль-Юм», а на международном уровне — «Аль-Джазира». Поддерживались и отдельные интеллектуалы, преимущественно из сферы СМИ — мастера фельетонного и карикатурного жанра.

Как следует из материалов «WikiLeaks»³⁹, опубликованных 29 января 2011 года, уже после прохождения египетской революцией своего пика — восстания на площади Тахрир, посол США в Египте Маргарет Скоби в своих донесениях еще в декабре 2008 года (!) упоминала о движении «6 апреля», которому предстояло стать одним из основных организаторов акций протеста, а один из египетских оппозиционеров — топ-менеджер «Google» Ваил Гоним — был отправлен на организованный Госдепом США семинар молодых активистов по фальшивому паспорту.

По некоторым данным, на тот момент группа «6 апреля» в социальной сети «Facebook» уже насчитывала 70 тысяч человек, преимущественно из образованной молодежи. Особый акцент был сделан на работе с коптским меньшинством. Как и в Судане, христианское меньшинство в Египте с начала 1980-х патронировалось специально созданными для этого Интернационалом христианской солидарности (CSI) и фондом «Рах Christi». Таким образом, можно утверждать, что США заранее разрабатывали план революционного сценария в Египте, как и в других странах Северной Африки и Ближнего Востока. Воистину, «мирный переворот не терпит импровизаций».

Так, переворот в Тунисе во многом стал результатом длительной подготовительной работы Центра прикладных ненасильственных акций и стратегий CANVAS⁴⁰. Основанный в 2003 году в Белграде на базе движения «Отпор» —

³⁷ См. «The Albert Einstein Institution». — www.aeinstein.org

³⁸ «Идеолог “цветных революций” о русском следе своего метода». — www.bbc.co.uk/russian/international/2012/02/120217_gene_sharp_revolutions_interview.shtml

³⁹ См. «США поддерживали сторонников смены власти в Египте». — www.top.rbc.ru/politics/29/01/2011/535380.shtml

⁴⁰ См. CANVAS — The Center for Applied Non-Violent Action and Strategies. — www.canvasopedia.org/legacy/

главной публичной силы белградской «революции», CANVAS занимается реализацией методик Дж. Шарпа. Члены организации также участвуют в семинарах, финансируемых ОБСЕ и ООН. Сотрудничая с «Домом Свободы», который в свою очередь поддерживается Национальным фондом за демократию, CANVAS подготовил к 2011 году активистов из более чем 50 стран мира, в том числе из Зимбабве, Туниса, Ливана, Египта, Ирана, Грузии, Украины, Белоруссии, Киргизии и даже Северной Кореи.

Важно, что программа обучения была построена на вытеснении позиций национальных правительств из процесса формирования мнения слушателей, которые должны были погружаться в информпотоки, идущие только из мировых (читай: западных) СМИ и соцсетей. Кстати, Тунис, запустивший «революционную волну» в 2011 году, перекинувшуюся затем на Египет и другие страны Северной Африки и Ближнего Востока, еще в 1991-м стал первой арабской и африканской страной, подключившейся к сети, а к 2011 году по уровню развития мобильной телефонии из стран мусульманского мира уступал лишь Турции.

В связи с этим справедливо полагать, что публикации на сайте «WikiLeaks» компрометирующих семью тунисского президента З. бен Али материалов послужили детонатором общественного недовольства. Экзальтация даже лояльных власти тунисцев была достигнута трансляцией по сетям саможжения Мохаммеда Буазизи, о чем писалось в предыдущей статье. В результате тысячи людей вышли на площади городов, а оппозиция захватила основные коммуникационные артерии государства. Внешняя поддержка событий (выступления официальных лиц ЕС и США) ускорила падение режима, убедив протестующих в необходимости бессрочного неповиновения властям, что в конечном итоге вынудило президента Бен Али 14 января 2011 года покинуть страну.

Не вдаваясь в детальный анализ событий «арабской весны» (об этом уже написано немало), приведу еще один пример, касающийся роли «мягкой власти» в Сирии. Незадолго до начала так называемой ненасильственной борьбы в январе 2011 года, в сети «Facebook» появилась новая группа «Сирийская революция-2011», набравшая на первых порах более 15 тысяч сторонников, призывающая президента Сирии Башара Асада уйти в отставку. К 15 марта протесты охватывают Дамаск и Дараа. Далее они затрагивают Латакию, Алеппо и пригороды сирийской столицы, рассыпаясь после многочисленных силовых акций правительства, приведших к жертвам. В итоге именно принцип силы, задействованный сирийскими властями, спасает их от падения⁴¹.

Итак, в сравнении с балканским периодом «цветных революций» на арабском Востоке максимально использовались социальные сети. Прежде всего это «Facebook» и «Twitter», блогеры которых были призваны экзальтировать аудиторию и координировать выступления. Например, волнения в Йемене и Иордании начались одновременно. 15 января в один день (sic!) начались волнения в Бахрейне и Ливии, чего невозможно было бы добиться при отсутствии сетевых структур. Поэтому вполне справедливо считать эти события «твиттер-революциями».

Сегодня уже доподлинно известно, что после событий 11 сентября 2001 года США мобилизовали огромные финансовые ресурсы и создали порядка 350 (!) новых различных программ в области образования, культуры и информации для продвижения демократии и создания прослойки граждан в арабских странах, ориентированных

⁴¹ См. С. А. Цатурян. Ненасильственное сопротивление как стратегия смены режимов на Ближнем Востоке и в Северной Африке: роль США.

⁴² См. «Американский фактор в арабских революциях». — www.meast.ru/article/amerikanskii-faktor-v-arabskikh-revoluytsiyakh-mobilizatsiya-protesta-cherez-publichnuyu-dip

на ценности и политику США⁴². Все программы были объединены в масштабный проект под названием «Инициатива поддержки партнерства на Ближнем Востоке», который курировался Госдепом США⁴³.

В 2002 году Госдепартамент четко обозначал цель данного проекта: *осуществить демократические преобразования* в таких странах региона, как Алжир, Бахрейн, Египет, Иордания, Кувейт, Ливан, Марокко, Оман, Катар, Саудовская Аравия, Тунис, ОАЭ, Палестинские Территории, Иран, Ирак и Ливия. Эти преобразования предполагалось осуществить при помощи проектов, направленных на *изменение политического строя* через создание партий, подготовку альтернативных политиков, эмансипацию женщин и формирование лояльной и демократически настроенной молодежи; *изменение экономического климата* путем создания слоя бизнесменов и юристов, получивших «западное образование», а также изменения законодательства стран; *реформирование всей системы образования* посредством расширения доступа женщин к образованию, ревизии учебных планов и обеспечения школ и университетов американскими учебниками⁴⁴.

В реализации этих проектов было апробировано принципиальное новшество. Впервые за 60 лет существования «публичной дипломатии» США изменили целевую аудиторию программ обучения, направленных на распространение принципов либеральной демократии. Теперь вместо действующей элиты, военных и диссидентствующей интеллигенции правительство США стало обучать *молодежь до 25 лет и женщин*. Кроме того, Госдеп модифицировал тактику продвижения своего

влияния. Вместо поддержки политических режимов и армии Вашингтон стал создавать альтернативные партии, некоммерческие организации, реформировать системы образования.

В результате за десять лет осуществления «публичной дипломатии» произошло, *во-первых*, значительное увеличение числа арабского населения, прошедшего политическое обучение как в США, так у себя на родине. Если в конце 2000 года тысячи граждан вовлекались в программы обменов или обучения, то уже в 2004—2009 годах — сотни тысяч. Например, только из Египта в 1998 году США пригласили на обучение по программам в области развития демократии около 3,3 тысячи человек, в 2007-м было уже 47,3 тысячи, а в 2008-м — 148,7 тысячи (!) человек.

Во-вторых, США удалось «обработать» молодежь, представляющую не самые обеспеченные слои общества и лишенную возможности получить образование. Эти группы молодежи — так называемая *underserved youth*, или молодежь группы риска, — имели высокие шансы стать членами террористических группировок. Отучившись в специальных школах по обучению основам демократии и гражданского общества, изучив политические технологии и основы протестного движения, они стали ударным отрядом «демократических преобразований» и лишь ждали часа «X».

В-третьих, это создание целой серии информационных программ. Начиная с 2002—2004 годов правительство США создало порядка десяти новых радиостанций и телеканалов. Наиболее известные среди них — каналы «Сава», «Фарда», «Свободный Ирак», «Голос Америки на курдском языке», «Сеть персидских новостей» и др. Большинство, как видно из названий, были созданы в странах Ближнего Востока. Самый масштабный — это телеканал «Альхурра», который охватывает все страны Северной Африки и

⁴³ См. «Middle East Initiative Partnership». — www.medregion.mepi.state.gov/about-mepi.html

⁴⁴ См. «Американский фактор в арабских революциях».

Ближнего Востока. Будучи крайне политизированным, «Альхурра» привлекает внимание молодежи посредством таких передач, как «Час демократии», «Мнения женщин» и т. д.

Особое внимание было обращено на подготовку блогер-активистов. Например, только на базе юридической школы Колумбийского университета перед организаторами будущих акций проводили «презентации» ключевые сотрудники из команды Б. Обамы, обеспечивавших его избрание. Еще одной структурой, отвечавшей за подготовку оппозиционеров, был «Alliance for Youth Movements»⁴⁵, также финансируемый Госдепом США. Кроме того, в разработке сценариев революций и подготовке оппозиционного ядра принимали непосредственное участие «New America Foundation» — соучредитель «Global Voices» и партнер «Google», Центр СМИ и публичной политики Школы государственного управления

⁴⁵ Подробно о деятельности блогер-активистов см. www.movements.org/pages/995/

им. Дж. Кеннеди при Гарварде, Беркмановский центр «Интернет и общество» при Гарвардской Школе права, NEXA Center, Оксфордский институт Интернета, школы права Колумбийского и Йельского университетов и др. Этот список может быть продолжен.

Выводы очевидны. Концепция «мягкой власти», дополненная новейшими технологиями, позволяет довольно легко и быстро воздействовать на сознание людей, изменять историческую память, формировать новые смылосимволы, превращать людей в сетевых манкуртов. Однако это происходит лишь в случае отсутствия противодействия этому процессу. В сложившейся ситуации выход один — создавать и распространять антидот американской «мягкой власти». Причем работа эта облегчена уже тем, что технологии разрабатывать не нужно. Необходимо лишь наполнить их новым содержанием. Было бы желание. ◆